

К. Е. МАЙТИНСКАЯ (Москва)

ФОРМЫ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ (ИСТОРИКО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

В финно-угорском языке-основе было два способа выражения действия (или состояния), происходящего (или проявляющегося) в момент речи: 1) характеризующийся нулевым показателем (т. е. отсутствием показателя) времени; 2) характеризующийся показателем **-k*, позднее преобразовавшимся также и в показатель повелительного наклонения. По всей вероятности, первый способ был больше распространен, чем второй; ведь форма настоящего времени оказалась достаточно выделенной и без специального суффикса, поскольку была противопоставлена другим формам прошедшего времени, маркированным показателями **-j* (**-i*) или **-š*. Поэтому суффикс **-k* употреблялся только для подчеркивания значения настоящего времени, чем и объясняется, вероятно, скудность его рефлексов в современных финно-угорских языках, а также и то, что в ряде языков он более последовательно представлен в составе аналитических отрицательных форм, чем в составе форм утвердительного спряжения: для выражения отрицания подчеркнутость более характерна, чем для выражения утверждения.

Принято считать, что прафинно-угорский показатель настоящего времени **-k* этимологически идентичен суффиксу **-k*, образовавшему имена от глаголов.¹

Исследование процессов появления форм настоящего времени, возникших после распада прафинно-угорского языка-основы, осложняется тем, что, например, суффиксальные признаки в отдельных языках используются в разной степени. В одних языках они охватывают все лица и числа, в других распространены только в двух лицах разных чисел, в третьих — в двух лицах, но лишь в пределах одной формы числа. Последняя модель распространения нами считается пределом для квалификации соответствующего суффикса, как признака форм настоящего времени. Это означает, что, например, элемент **-p*, выявляющийся в финском языке в 3-м лице единственного числа (ср. фин. *osta|a* 'покупает' и *osta|vat* 'покупают'; *-a*, *-v* < **-p*², см. ниже), нами для современного финского языка рассматривается как суффикс 3-го лица, а не как признак времени, поскольку в других лицах он не выступает. Суффикс *-sz* [-s] в парадигме настоящего времени современного венгер-

¹ E. N. Setälä, Zur Geschichte der Tempus- und Modusstambildung in den finnisch-ugrischen Sprachen. — JSFOu II 1887, стр. 177; Л. Хакулинен, Развитие и структура финского языка I, Москва 1953, стр. 227; К. Майтинская, Сравнительная морфология финно-угорских языков. — Основы финно-угорского языкознания I, Москва 1974, стр. 298—301.

² Л. Хакулинен, указ. раб., стр. 31, 177, 227; К. Майтинская, указ. раб., стр. 307—308.

ского языка достаточно полно обобщен только в форме 2-го лица единственного числа и поэтому тоже является личным окончанием, хотя раньше, вероятно, употреблялся как признак настоящего времени.

Представленная разработка построена на материале форм, выражающих ведущее значение настоящего времени: утвердительных, активных, безобъектных и т. д. (независимо от того, свойственно ли соответствующему языку противопоставление презенсных форм по утвердительности/отрицательности, активности/пассивности, объектности/безобъектности и т. д.).

С учетом изложенных критериев и ограничений нами выявлено, что после разрушения прафинно-угорской языковой общности в финно-угорских языковых ветвях или отдельных языках формы настоящего времени развились в результате следующих процессов: 1) переосмысления суффикса, образовавшего имена от глаголов; 2) переосмысления суффикса, образовавшего глаголы от глаголов; 3) переосмысления конечного гласного основы.

*

Продуктивность первого процесса подтверждается переосмыслением ф.-у. *-p, образовавшего имена от глаголов (этим именам в современных языках обычно соответствуют причастия), в признак времени: лив. *lugùv* 'я читаю' и 'он читает'; ср. *lugiz* 'я читал' и 'он читал'³ (-v < *-p); саам. (кильд.) *sařne|p* 'мы говорим', *sařne|b'b'e* 'вы говорите', *sařnv|v* 'они говорят'; ср. *sarñem* 'мы говорили', *sarñe|t* 'вы говорили', *sařne|n* 'они говорили'⁴ (-p, -b', -v < *-p).

Презенсный признак *-p развился таким же путем, как презенсный ф.-у. *-k, однако в сравнении с последним рефлексы *-p-ового признака еще скуднее; в ряде языков финско-пермской ветви он прослеживается лишь как суффикс одного какого-либо лица⁵, поэтому его прежнее функционирование может быть объяснено двояко: 1) в финско-пермском языке-основе он еще не был обобщенным показателем презенса; сначала использовался только в 3-м лице и лишь позднее в некоторых языках распространился и на другие лица, приобретая таким образом функцию признака временной формы; 2) он уже в финско-пермском языке-основе был признаком настоящего времени, но впоследствии сфера его применения сократилась.

В результате второго процесса в признаки времени переосмысливались глагольные суффиксы повторно-длительного значения.

Особую роль в данном процессе получил словообразовательный ф.-у. *-l повторно-длительного значения в угорских языках; ср. хант. (вах.) *вэр|л|эм* 'я делаю', *вэр|л|эмэн* 'мы двое делаем', *вэр|л|этэн* 'вы двое делаете', *вэр|л|эрэн* 'они двое делают' и т. д.; ср. *вэр|с|эм* 'я сделал', *вэр|с|эмэн* 'мы двое сделали', *вэр|с|этэн* 'вы двое сделали', *вэр|с|эрэн* 'они двое сделали' и т. д. (В некоторых говорах -l закономерно превращался в *л*, *л'*, *т*; рефлекс ф.-у. *-l в повторно-длительном значении прослеживаются в составе ряда современных хантыйских словообразовательных суффиксов, например, вах. -il/-il', -pəl: *улэнт|ыл|та*

³ А. Лаанест, Прибалтийско-финские языки. — Основы финно-угорского языкознания II, Москва 1975, стр. 97—98.

⁴ Г. М. Керт, Саамский язык (кильдинский диалект), Ленинград 1971, стр. 195.

⁵ J. Szinyei, Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Berlin—Leipzig 1922, стр. 121—122.

'начинать' (от *uləntə|ta* 'начать')⁶; манс. (тавд.) *išlät|lem* 'я работаю', *išlät|len* 'ты работаешь', *išlätä|l* 'он работает' и т. д.; ср. *išlät|s|em* 'я работал', *išlät|s|en* 'ты работал', *išlät|s* 'он работал' и т. д.⁷ (ф.-у. *-l как глагольный словообразовательный суффикс сохранился и в мансийском языке, ср. *ün|l-* 'сидеть' (от *ön-* 'сидеть').

Словообразовательный ф.-у. *-l повторно-длительного значения и в венгерском языке представлен довольно широко (например, в составе сложных суффиксов повторно-длительного значения типа *-kál|-kél, -dal|-del*: ср. *jár|kál|ni* 'ходить туда-сюда; шататься' от *jár|ni* 'ходить', *vag|dal|ni* 'кромсать' от *vág|ni* 'резать'), но его дальнейшее развитие в системе глагольного спряжения неясно. По аналогии с данными обско-угорских языков можно было бы предположить, что в формах 2-го лица типа *moso|l* 'ты моешь', *hozo|l* 'ты приносишь' сохранились рефлексы прежнего употребления *-l* в качестве форманта презенса (в таком случае *-l* следовало бы квалифицировать как показатель настоящего времени праугорского периода⁸). Однако *-l* в системе глагольного спряжения венгерского языка употребляется только в форме 2-го лица единственного числа, к тому же не только в настоящем времени, но и в прошедшем, а также в формах разных наклонений (ср. *hozo|l* 'ты приносишь', *hoz|tál* 'ты принес', *hoz|nál* 'ты бы принес'). Если исходить из предполагаемой прежней функции угорского *-l* как признака презенса, то его дальнейшее развитие в венгерском языке можно объяснить, с одной стороны, сужением его употребления (т. е. ограничением сферой 2-го лица), а с другой стороны, некоторым расширением (т. е. переходом в сферы других форм времени и наклонения). Однако ни первый, ни второй процесс не подтверждается языковыми данными, поэтому, по нашему мнению, в венгерском языке переход словообразовательного *-l* в признак презенса только намечался, в то время как в обско-угорских языках он был завершен.

По сравнению с судьбой венг. *-l* в ином свете представляется судьба другого, ныне непродуктивного венгерского фреквентативного суффикса *-sz* [-s] < ф.-у. *-s.⁹ Как суффикс настоящего времени, он выявляется в довольно большой группе глаголов, например, *vi|sz|ek* 'я ношу', *vi|sz|el* 'ты носишь', *vi|sz* 'он носит' и т. д. (ср. *vi|tt|em* 'я нес', *vi|tt|él* 'ты нес', *vi|tt* 'он нес' и т. д.). Возможно, что суффикс *-sz* [-s], ставший вариантом презенсного конца основы только ряда венгерских глаголов, никогда не был обязательным и полностью обобщенным (ведь широко употреблялась и бессуффиксная форма презенса), чем и объясняется ограниченность его рефлексов в венгерском языке письменного периода.

Мансийский суффикс повторно-длительного значения *-nt* < ф.-у. *-nt¹⁰ (ср. манс. *tuńsent-* 'поставать' от *tuńsi-* 'стоять'¹¹) переосмыслился в суффикс презенса *-ánt*, употребляемый наряду с вышеуказанным *-l*; ср. манс. (тавд.) *miń|ánt|em* 'я иду', *miń|ánt|en* 'ты идешь',

⁶ Н. И. Терешкин, Очерки диалектов хантыйского языка. Часть первая. Воховский диалект, Москва—Ленинград 1961, стр. 79, 84—85; E. Sá m s o n, A jelentő mód jelen idejének jelölése az osztják nyelvben. — NyK LXIII 1961, стр. 293—294.

⁷ B. M u n k á c s i, A vogul nyelvjárások szórágazása. — NyK XXIV 1894, стр. 325—326; K. Rédei, Die Entstehung der objektiven Konjugation im Ungarischen. — ALHung. XVI 1966, стр. 113.

⁸ Такого мнения придерживается К. Редей; см. К. Rédei, указ. раб., стр. 113.

⁹ K. B a r t h a, A magyar szóképzés története, Budapest 1958 (Magyar történeti szóalaktan II), стр. 23—24.

¹⁰ K. Rédei, указ. раб., стр. 113; Я. Гуя, Морфология обско-угорских языков. — Основы финно-угорского языкознания III, Москва 1976, стр. 294.

¹¹ K. B a r t h a, указ. раб., стр. 22.

miñ|ánt 'он идет' и т. д. (ср. *miñásém* 'я шел', *miñásen* 'ты шел', *miñás* 'он шел' и т. д.)¹².

Исходя из соображений Я. Гуя, для мансийского языка можно было бы учесть еще один случай переосмысления словообразовательного суффикса видового значения в признак формы настоящего времени. Я. Гуй допускает, что мансийский презенсный *-γ*, употребляемый в северном наречии, преобразовался из словообразовательного *-γ*¹³, т. е. не является общим с ф.-у. **-k*, образовавшим имена от глаголов и являвшимся также финно-угорским показателем презенса. Действительно, манс. *-γ* используется для выражения длительного действия: ср. *tōryu* 'дрожать' и *tōrata-* 'вздрогнуть'¹⁴, следовательно, в полной аналогии с путем переосмысления формантов *-nt* и *-l* в тавдинском наречии, см. выше — можно представить и переосмысление словообразовательного *-γ* в суффикс презенса. Однако презенсный **-k* выявляется или восстанавливается и в других финно-угорских языках, поэтому возведение мансийского презенсного признака *-γ* к финно-угорскому презенсному **-k* представляется вполне вероятным.¹⁵ Отождествлению же финно-угорского презенсного **-k* с финно-угорским видовым словообразовательным **-k* противоречит то, что последний в качестве суффикса повторно-длительного значения в финно-угорских языках распространен довольно слабо¹⁶; поэтому финно-угорский презенсный **-k* и возводился исследователями к именному (см. выше), а не к глагольному словообразовательному суффиксу. (На подобном же основании выявлена общность финско-пермского презенсного **-p* с именным словообразовательным суффиксом **-p*: в языках соответствующей ветви нет словообразовательного глагольного суффикса с ярко выраженным повторно-длительным значением).¹⁷

Удмуртский суффикс повторно-длительного значения *-šk* (ср. *kurišk-* 'долго, повторно умолять' от *kuriñi* 'умолять; просить') в данном языке превратился и в признак презенса, выступающий только в 1-м и 2-м лицах единственного и множественного числа¹⁸; ср. удм. *miñi|šk|o* 'иду', *miñi|šk|od* 'идешь', *miñ|e* 'идет', *miñi|šk|om(i)* 'идем', *miñi|šk|odi* 'идете', *miñ|o* 'идут' (ср. формы первого прошедшего времени: *miñ|i* 'я шел', *miñ|i|d* 'ты шел' и т. д.); суффикс *-šk*, участвующий в образовании форм 1-го лица второго прошедшего времени (ср. *miñi|šk|em* 'я шел, оказывается'), появился под влиянием форм настоящего времени.¹⁹

Результаты третьего процесса объясняются законами исторической фонетики финно-угорских языков.

В финно-угорском праязыке конечные гласные глагольных основ различались согласно законам вокализма второго слога. Впоследствии в некоторых языках начался процесс выравнивания этих гласных, в результате чего появилась тенденция превращения обобщенного гласного

¹² В. Мункácsi, указ. раб., стр. 325—326.

¹³ Я. Гуй, указ. раб., стр. 294—295.

¹⁴ Е. И. Ромбандеева, Мансийский (вогульский) язык, Москва 1973, стр. 172.

¹⁵ К. Майтинская, указ. раб., стр. 298—299.

¹⁶ T. Lehtisalo, Über die primären ururalischen Ableitungssuffixe. Helsinki 1936 (MSFOu LXXII), стр. 357—358; J. Györke, Die Wortbildungslehre des Uralischen (Primäre Bildungssuffixe), Tartu 1936, стр. 12.

¹⁷ T. Lehtisalo, указ. раб., стр. 241—260; J. Györke, указ. раб., стр. 20—22.

¹⁸ K. Medveczky, A votják nyelv szóképzése. — NyK XLI 1911, стр. 315; T. E. Uotila, Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen, Helsinki 1933 (MSFOu LXXV), стр. 323.

¹⁹ Б. А. Серебрянников, Историческая морфология пермских языков, Москва 1963, стр. 260.

в своего рода показатель настоящего времени.²⁰ Данный процесс наиболее характерен для мордовских и коми языков, но даже в них он не охватил все лица настоящего времени; ср. эрз. *mor|a|n* 'я пою', *mor|a|t* 'ты поешь', но *mor|i* 'он поет'; *mor|a|tano* 'мы поем', *mor|a|tado* 'вы поете', но *mor|i|f* 'они поют' (от глагола *mor|a|ms* 'петь') и *pivs|a|n* 'я молочу', *pivs|a|t* 'ты молотишь', но *pivs|i* 'он молотит', *pivs|e|tano* 'мы молотим', *pivs|e|tado* 'вы молотите', *pivs|i|f* 'они молотят' (от *pivs|e|ms* 'молотить'); коми *giž|a* 'пишу', *giž|a|n* 'пишешь', но *giž|e* 'пишет'; *giž|a|m* 'пишем', *giž|a|nnid* 'пишете', но *giž|e|ni* 'пишут'. Сохранение гласного в исходной позиции в ряде коми форм (*giž|a* 'пишу', *giž|e* 'пишет' и т. д.) объясняется прежним наличием конечного согласного, например в 1-м лице отпало окончание первого лица ф.-у. *-m.²¹

*

Подводя итоги, можно заключить, что в финно-угорских языках для более древнего развития форм настоящего времени характерно было переосмысление суффиксов межкатегориального словообразования. Так формировался еще в финно-угорском языке-основе презенсный признак *-k от финно-угорского именного суффикса отглагольного словообразования, подобным же путем развился уже после распада финно-угорской языковой общности финско-пермский презенсный *-p. Признаки же презенса, образовавшиеся в сравнительно позднее время и поэтому характерные только для отдельных языков или групп близкородственных языков (ср. об.-у. -l, венг. -sz [-s], удм. -sk, манс. -änt), переосмыслились прежде всего из глаголообразующих суффиксов длительно-повторного видового значения. Кроме того, в отдельные признаки презенса преобразовались и конечные гласные основы.

Изменение типов образования форм настоящего времени объясняется изменениями в структуре финно-угорских языков. Хотя в финно-угорском языке-основе (и тем более в праязыках двух основных ветвей) глагол и имя были уже разделены, они все же более тесно соприкасались, чем в современных языках. Поэтому нет ничего удивительного в том, что первоначально один и тот же формант использовался для образования как имени от глагола, так и формы чисто глагольной категории — категории времени. Позднее, когда глагол и имя все больше отдалялись друг от друга, естественным стало развитие презенсных показателей от глагольных словообразовательных суффиксов, тем более что для этой цели особенно приспособленными оказались видовые суффиксы, выражавшие повторно-длительное значение: то, что длится и повторяется, чаще всего не завершено и поэтому тяготеет к настоящему времени; и, наоборот, то, что происходит мгновенно и однократно, обычно представляется как законченное, поэтому трудно связывается с представлением о моменте речи. (Ср. в русском языке отсутствие формы настоящего времени у глаголов, выражающих мгновенное и однократное действие). Следует также учесть взаимосвязанность категорий вида и времени в финно-угорских языках. Переход гласных основы в презенсные признаки объясняется фонетической причиной — выравниванием древних конечных гласных у глагольных основ.

²⁰ Б. А. Серебрянников, Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, Москва 1964, стр. 91—92.

²¹ К. Radanovics (Rédei), Adalékok a permj nyelvek alaktanához. — NyK LXI 1959, стр. 80—81.

K. J. MAJTINSKAJA (Moskau)

DIE PRÄSENSFORMEN IN DEN FINNISCH-UGRISCHEN SPRACHEN (HISTORISCH-KONTRASTIVISCHE UNTERSUCHUNG)

In den älteren Perioden der Entwicklung der finnisch-ugrischen Sprachen entstanden die Präsenscharaktere (fiugr. **k*, fi-perm. **p*) durch Verwandlung von deverbalen Suffixen der Nomina, denn damals waren die Kategorien des Nomens und Verbs voneinander weniger entfernt als jetzt. Später, als sich der Unterschied zwischen den genannten Kategorien vertiefte, entwickelten sich die neuen Präsensformen durch den Übergang frequentativ-durativer Verbsuffixe in Präsenscharaktere, da die Vorstellung der wiederholten und dauernden Handlungen mit der Vorstellung der nicht beendeten gegenwärtigen Handlungen leicht verknüpft werden konnte; so entstanden die Präsenscharaktere: obugr. *-l*, wog. *-ánt*, ung. *-sz* [-s], udm. *-šk*.

Im Syrjänischen und Mordwinischen sind die Tendenzen von Verwandlung des Endvokals des Verbalstammes in das Präsenssuffix *-a* zu beobachten; dieser Prozeß ist durch historisch-phonetische Umwandlungen verursacht worden.